

Рожкова А. Е.

ORCID ID: 0000-0003-2224-3321

Москва, Россия

E-mail: rozhckowa.n2013@yandex.ru

УДК 821.161.1-1

DOI: 10.26170 / 2306-7462_2022_01_07

ТРИ ПОЭМЫ О ПРОТОПОПЕ АВВАКУМЕ: АНИМАЛИСТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ОТДЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ ПАРАФРАЗИРОВАНИЯ

Аннотация. В статье особое внимание уделяется анималистическим и природным образам как отдельным объектам парафразирования, которые являются своеобразными реперными точками для узнавания претекста парафразируемых произведений. Материалами для анализа служат памятник древнерусской литературы «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» и три парафрастические поэмы о протопопе Аввакуме: «Протопоп Аввакум» (1887) Д. С. Мережковского, «Протопоп Аввакум» (1919) М. А. Волошина, «Протопопица» (1939) А. И. Несмелова. В поэмах можно выделить «оригинальные» и «авторские» образы животных и растений. «Оригинальными» мы называем те образы, которые вслед за «Житием» повторяются в поэмах. «Авторские» – это образы, которые поэт вносит в свой стихотворный текст, ставя перед собой определённую художественную задачу. Прослеживаются особенности создания и использования природных образов как индивидуальный путь поэтов в диалоге с традицией.

Ключевые слова: парафразирование; древнерусская литература; русская поэзия; русские поэты; литературное творчество; парафрастические поэмы; анималистические образы; протопопы; литературные образы; литературные сюжеты.

Rozhkova A. E.

Moscow, Russia

THREE POEMS ABOUT THE ARCHPRIEST AVVAKUM: IMAGES OF ANIMALS AS SEPARATE OBJECTS OF PARAPHRASING

Abstract. The article deals with the images of animals as separate objects of paraphrasing, that serve as distinct clues for the recognition of pretexts of paraphrased narratives. The analysis is based on the original text of early Russian literature: «The Life of the Archpriest Avvakum, written by himself», and three paraphrastic poems about the Archpriest Avvakum: «Archpriest Avvakum» (1887) by D. S. Merezhkovsky, «Archpriest Avvakum» (1919) by M. A. Voloshin, and «Protopopitsa» (1939) by A. I. Nesmelov. Two kinds of images of animals can be singled out in the poems: «original» and «author's». «Original» are the images that poems repeat after the source text. «Author's» are those images that the writers create in their verses in pursuit of a certain artistic goal. Thus, we follow the particulars of creation and employment of images of animals and nature as an individual path of each poet in their dialog with tradition.

Keywords: paraphrasing; ancient Russian literature; Russian poetry; Russian poets; literary creativity; paraphrastic poems; animalistic images; archpriests; literary images; literary plots.

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» как своеобразный для жанра жития и, безусловно, интересный во всех смыслах памятник древнерусской литературы стал также претекстом для трёх парафрастических поэм: «Протопоп Аввакум» (1887) Д. С. Мережковского, «Протопоп Аввакум» (1919) М. А. Волошина, «Протопопица» (1939) А. И. Несмелова. Говоря о парафразисе, необходимо отметить, что автор, выбирая путь парафразирования, неизбежно вступает в диалог с предыдущей традицией, выстраивая с ней новые отношения. В таком случае, художественная задача писателя заключается не столько в «создании образа чужого стиля» [Минералов 1999: 305], сколько в достижении «индивидуального освоения, преобразования по-своему» [Минералов 1999: 215] выбранного сюжета, образов и героев.

Такие трансформированные образы включают в себя заложенные поэтом смыслы, которые надстраиваются над изначальными, образуя диалог с претекстом: «парафразирование обретает особую “сверхзадачу”: осуществить важный диалог с предшествующей традицией, оттолкнуться от неё, но выстроить с ней новые отношения» [Завгородняя

2018: 158]. В выбранных поэмах мы остановимся на анималистических образах, которые или повторяют образы за «Житием...», их мы обозначим как «оригинальные»; или созданы поэтами – «авторские». В «Житии протопопа Аввакума, им самом написанном» не так много смыслообразующих анималистических образов, часть из них была подхвачена поэтами в их стихотворных текстах. Мы рассмотрим способы создания и особенности художественного функционирования природных образов в поэмах, то, как поэты воспринимают и переключают характеристики, назначения и смысл исследуемых образов животных.

Начать следует с единственного оригинального животного образа, который присутствует во всех произведениях. В каждой поэме парафразируется такая сцена: «Пашков же, возвед очи свои на меня, – слово в слово что медведь морской белой» [Житие протопопа Аввакума им самим написанное 2003: 19]. В сравнительной Таблице 1 можно увидеть, как по-разному поэты передают смысл оригинального сравнения:

«Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»	Д. С. Мережковский «Протопоп Аввакум»	М. А. Волошин «Протопоп Аввакум»	А. И. Несмелов «Протопопица»
Пашков же, возвед очи свои на меня, — слово в слово что медведь морской белой, жива бы меня проглотил, да Господь не выдаст! [Житие протопопа Аввакума им самим написанное 2003: 19]	Как у белого медведя, взор пылал; суровый лик, / Обрамлен седою гривой, налит кровью был и дик. [Мережковский 2000]	А Пашков, как есть пьяной с кручины, / Очи на мя возвел, — / Словно медведь морской, белой, — / Жива бы проглотил, да Бог не выдал. [Волошин 1982: 272]	Афанасий Пашков сед, велик, как морской / Тот медведь, что на севере водится. [Несмелов 2006]

Таблица 1

Город Мезень – место ссылки Аввакума, находится в Архангельской области, в островных районах которой можно встретить белого медведя [Жизнь животных 1989. Т. 7: 289]. Однако Аввакум говорит о белом медведе не как о конкретном животном, здесь мы можем наблюдать особенности восприятия и передачи животного образа. Важ-

но, что протопоп сравнивает Пашкова с морским медведем не столько по характерным внешним признакам медведя, то есть по белой шерсти и большому размеру, сколько указывает на схожесть их вселяющих страх взглядов и общей для обоих враждебности. Полностью эти аспекты в своём переложении выявил М. А. Волошин, он почти дословно воспроизвёл слова Аввакума. Д. С. Мережковский же оставил сопоставление взглядов Пашкова и белого медведя, но также добавил вполне считаваемый с «Жития...» образ седого и грозного Пашкова. Тогда как А. И. Несмелов оставил лишь упоминание величия и уподобление седых волос Пашкова белой шерсти медведя.

Тут же заметим другое авторское сравнение из поэмы А. И. Несмелова: «Воевода Пашков разъяренное льва...» [Несмелов 2006]. В «Житии...» Пашков не сравнивался со львом, более того, упоминаний льва в тексте жития нет. Можно предположить, что это вольная трактовка дважды встречающегося у Аввакума сравнения: «Он же рыкнул, яко дивий зверь...» [Житие протопопа Аввакума им самим написанное 2003: 13]. Тем более, что второй раз протопоп называет Пашкова диким зверем в эпизоде перед неудавшейся казнью, в этом парафразируемом эпизоде А. И. Несмелов и использует сравнение Пашкова со львом.

Продолжим наблюдения за авторскими образами в поэме «Протопопица», в которой «очевидно, что А. Несмелов дальше других отходит от первоисточника в своем стилевом парафразировании, смещая содержательный “центр тяжести” на образ супруги протопопа, Анастасии Марковны» [Завгородняя 2018: 162]. Подобное смещение акцентов позволяет поэту придать повествованию больший психологизм. Например, А. И. Несмелов вводит авторский образ прирученной Аввакумом мышки, которая бежит у него под рукой, когда тот пишет: «У руки же его, там, где тень от нее, / Мышка бежит прирученная. / “Божья тварь!” – и тепло заструили глаза / На комочек на этот на бархатный...» [Несмелов 2006]. За этой сценой наблюдает протопопица, она размышляет об искренной и самоотверженной любви к гонимому протопопу, таким образом поэт раскрывает одновременно обоих героев и глубину их отношений.

Психологизм повествования в поэме А. И. Несмелова проявляется и в повышенной экспрессивности. Так, например, сравнение с пиявкой и клопом А. И. Несмелов использует по отношению к Аввакуму: «И еще протопоп укоряет крестом, / Баламутит, сосет, как пиявица <...> / Заморить бы попа, раздавить, как клопа...» [Несмелов 2006]. Сближение А. И. Несмеловым образов попа и клопа видится нам достоверным с точки зрения исторического распространения клопов

[Жизнь животных 1989. Т. 3: 233]: в Россию клопы попали вместе с византийским духовенством, бежавшим из взятого турками Константинополя в середине XV века. Тараканы, которых упоминает сам Аввакум – чёрные, потому что рыжих привезли в Россию только во время войны с Пруссией в 60-е годы XVIII века, а вот чёрные жили на Руси примерно с XVI века [Жизнь животных 1989. Т. 3: 163].

Как видно из Таблицы 2, эпизод, в котором Аввакум перечисляет зверей и насекомых, досаждающих ему в темнице, довольно точно переложил в своей поэме М. А. Волошин:

«Житие протопopa Аввакума, им самим написанное»	М. А. Волошин «Протопop Аввакум»
Никто ко мне не приходил, токмо мыши, и тараканы, и сверчки кричат, и блох довольно. [Житие протопopa Аввакума им самим написанное 2003: 10]	Никто ко мне не приходил, А токмо мыши и тараканы, Сверчок кричит и блох довольно. [Волошин 1982: 265]
Мышей много было, я их скуфьею бил <...> Блох да вшей было много... [Житие протопopa Аввакума им самим написанное 2003: 13]	Мышей там много – скуфьею бил... [Волошин 1982: 268]

Таблица 2

Более интересным в контексте исследования представляется использование анималистических образов для создания психологизма в таких строках поэмы Д. С. Мережковского:

Я смотрел, как паутина сеткой радужной горит,
И паук летунью-мошку терпеливо сторожит.

На заре я слушал часто, ухо к щели приложив,
Как в лазури крик касаток беззаботен и счастлив.
[Мережковский 2000]

Поэт парафразирует эпизод, который Аввакум, а вслед за ним М. А. Волошин описывают, как мучительное заточение в темнице с донимающими протопopa неприятными животными. Д. С. Мережковский в двух строчках описывает темницу как подземную холодную конуру, но больше подробностей не даёт, поэт противопоставляет малую часть телесного мучения Аввакума его огромной духовной силе: «Поглупел совсем от горя: день и ночь в углу сидишь, / Да замерзшими ногами в землю до крови стучишь» [Мережковский 2000]. В темнице протопop продолжает наблюдать неостанавливаю-

щуюся жизнь вокруг себя: солнце начинает греть сильнее, паук плетёт паутину, ласточки-касатки поют, предвещая приход весеннего тепла [Славянская мифология 2002: 277]. Аввакум вспоминает сцены ушедшей молодости, которые пробуждают в нём желание жить: «А теперь... я – труп в могиле! Но безумно рвется грудь / Перед смертью на свободе только раз еще вздохнуть» [Мережковский 2000]. Д. С. Мережковский, кратко напоминая читателю о том, в каких условиях находится протопоп, не концентрируется на невзгодах, его герой романтизирует своё прошлое и находит в нём точку опоры для того, чтобы продолжать жить в настоящем.

Несколько эпизодов у Д. С. Мережковского и М. А. Волошина почти дословно повторяют «Житие...»: история про курочку, описание флоры и фауны Байкала и рацион ссыльных, состоящий из сосновой коры, травы и падали. Но остановимся мы только на рассказе о чёрной курице.

В Таблице 3 приведён сокращённый вариант данного эпизода «Жития...» и почти дословно повторяющие его фрагменты из поэмы Волошина, в обоих произведениях в таблице опущены параллельные моменты описания истории курицы. Этих сцен (исцеление кур Аввакумом, повторение благодарности за то, что курица несла по два яйца в день и восхваление птицы) нет в поэме Д. С. Мережковского, он сокращает речь протопоба и закрывает этот сюжет более понятным для читателя тезисом о том, что «Создатель любит всех животных, как детей...» [Мережковский 2000]. Такое сближение включает в себя логику: как создатель любит животных, так и Аввакум любил курочку как члена семьи (она ела из семейного котла), как своего ребёнка.

«Житие протопоба Аввакума, им самим написанное»	Д. С. Мережковский «Протопоп Аввакум»	М. А. Волошин
<p>Курочка у нас черненька была; по два яичка на день приносила робяти на пищу, Божиим повелением нужде нашей помогая; Бог так строил. На нарте везучи, в то время удавили по грехом. <...> нас кормила, а сама с нами кашку сосновую</p>	<p>На санях у нас в обозе, помню, курочка была; / Два яйца для наших деток каждый день она несла. / Чудо-птица! и за деньги нам такой бы не найти. / Жалко, бедную в обозе раздавили на пути. / До сих пор об ней я помню: я привык ее ласкать; /</p>	<p>Курочка у нас была черненька. / Весь круглый год по два яичка в день / Робяти приносила. / <...> / Нас кормила и сама сосновой кашки / Тут клевала из котла <...> / На нарте везучи, в те поры задавили /</p>

<p>из котла тут же кле- вала <...> Богу вся надобно: и скотинка и птичка во славу Его, пречистаго Владыки, еще же и человека ра- ди. [Житие прото- попа Аввакума им самим написанное 2003: 17]</p>	<p>Мы крупу в котле семей- ном позволяли ей клевать: / Божья тварь! Создатель любит всех животных, как детей... [Мережковский 2000]</p>	<p>Ее мы по грехам. / <...> У Христа так повелось издавна – / Богу всё надобно: и птичка и скотинка / Ему во славу, человека ради. [Волошин 1982: 270]</p>
--	---	--

Таблица 3

По мнению исследователя А. И. Мазунина, «поэма Д. С. Мережковского, в которой Аввакум показан только смиренным страдальцем и мучеником, примирившимся со своей судьбой и врагами, слишком обедняет и принижает образ протопопа» [Мазунин 1958: 409]. Однако в эпизодах, связанных с использованием анималистических образов, Д. С. Мережковский сближает старообрядца Аввакума с природой, пробуждающей в нём желание жить и служить богу, так герой уже не выглядит смиренным и безвольным.

М. А. Волошин, как уже неоднократно было замечено исследователями, ближе всего к тексту «Жития...». В его поэме нет авторских анималистических образов, каждое упоминание животного соотносено с текстом Аввакума и не несёт в себе авторских художественных задач.

В поэме «Протопопица» А. Несмелова большинство животных образов – авторские. Экспрессивное сравнение Аввакума с клопом и пиявкой, лирическая сцена с ручной мышкой, эффектное уподобление Пашкова льву – всё это результат более свободного парафразирования претекста, основной задачей которого было рассказать историю о жене Аввакума, её любви к мужу и любви их общей, супружеской, таким образом, «парафразируя первоисточник, автор идёт по пути сугубой лиризации» [Завгородняя 2018: 162].

В заключение скажем, что каждый поэт изображает своего героя, следуя собственной художественной задаче и личному пониманию фигуры протопопа Аввакума. Поэтому, вслед за классическими литературоведческими статьями, рассматривающими отношения трёх парафрастических поэм с претекстом жития в общем, резонно обратить внимание на анализ анималистических образов как отдельного объекта парафразирования. Опираясь даже на такую частность парафразирования, как особенности создания образов животных, мы проследили, как поэты прокладывают свой путь в контексте диалога с традицией.

ЛИТЕРАТУРА

Волошин М. Стихотворения и поэмы в двух томах. Т. 1. Париж: YMCA Press., 1982. 654 с.

Жизнь животных. В 7 т. Под ред. В. Е. Соколова М.: Просвещение, 1989.

Завгородняя Г. Ю. Парафразирование: теория и художественная практика (три поэмы о протопопе Аввакуме) // Художественная словесность: теория, методология исследования, история : Коллективная монография, посвященная 70-летнему юбилею доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ Юрия Ивановича Минералова / Под редакцией И. Г. Минераловой, С. А. Васильева. М.: Общество с ограниченной ответственностью Агентство «Литера», 2018. С. 157-163.

Мережковский Д. С. Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2000. 928 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://merezhkovsky.ru/lib/poetry/protopop-avvakum.html> (дата обращения 26.12.2021).

Минералов Ю. И. Теория художественной словесности. М.: ВЛАДОС, 1999. 360 с.

Несмелов А. Протопопица // Несмелов А. Собр. соч.; в 2 т. Т I: Стихотворения и поэмы, 2006 [Электронный ресурс] URL: <https://coollib.com/b/262467/read#r343> (дата обращения 26.12.2021).

Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд.2-е. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.

REFERENCES

Voloshin M. Stikhotvoreniya i poemy v dvukh tomakh. T. 1. Parizh: YMCA Press., 1982. 654 s.

Zhizn' zhivotnykh. V 7 t. Pod red. V. E. Sokolova M.: Prosveshchenie, 1989.

Zavgorodnyaya G. Yu. Parafrazirovaniye: teoriya i khudozhestvennaya praktika (tri poemy o protopope Avvakume) // Khudozhestvennaya slovesnost': teoriya, metodologiya issledovaniya, istoriya : Kollektivnaya monografiya, posvyashchennaya 70-letnemu yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora, Zasluzhennogo deyatelya nauki RF Yuriya Ivanovicha Mineralova / Pod redaktsiyei I. G. Mineralovoy, S. A. Vasil'eva. M.: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu Agentstvo «Lite-ra», 2018. S. 157-163.

Merezhkovskiy D. S. Stikhotvoreniya i poemy. SPb.: Akademicheskii projekt, 2000. 928 s. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://merezhkovsky.ru/lib/poetry/protopop-avvakum.html> (data obrashcheniya 26.12.2021).

Mineralov Yu. I. Teoriya khudozhestvennoy slovesnosti. M.: VLADOS, 1999. 360 s.

Nesmelov A. Protopopitsa // Nesmelov A. Sobr. soch.; v 2 t. T I: Stikhotvoreniya i poemy, 2006 [Elektronnyy resurs] URL: <https://coollib.com/b/262467/read#r343> (data obrashcheniya 26.12.2021).

Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'. Izd.2 e. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. 512 s. Mineralov Yu.I. Theory of artistic literature. M., 1999. 360 p.

Научный руководитель: Завгородняя Г. Ю., д.ф.н., проф., проф. кафедры русской классической литературы и славистики, Литературный институт имени А. М. Горького.

Данные об авторе

Author's information

Рожкова Анастасия Евгеньевна – студентка 4 курса Литературного институт имени А. М. Горького.

Email: rozhckowa.n2013@yandex.ru

Rozhkova Anastasia Evgenievna – 4rd year student, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing.

Email: rozhckowa.n2013@yandex.ru